

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Д.В. Андриянова, Е.А. Крестьянников** — Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г.А. Гребенщикова** — Андрей Яковлевич Италинский 20

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский** — Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе 35

СООБЩЕНИЯ

- Г.Б. Избасарова** — Модели управления казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского 49

- Ю.И. Дин, К. Мин** — Освещение сухопутной операции советских войск в северной Корее в августе 1945 г. ... 61

- В.В. Гафаров** — Политика Османской империи по организации восстания мусульман против России в годы первой мировой войны 70

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- С.В. Холяев** — Двухединая революция 83
- В.В. Аникин** — О понятии «способ производства» 99

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалёв** — Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения 108

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю.Н. Тимкин** — «Дело» о разложении партийного руководства Вятского горрайкома ВКП(б) в 1933 г. 124
- Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова** — Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана 137
- Д.А. Ахременко, И.Н. Новикова** — Судебные преследования православного населения в Австро-Венгрии накануне первой мировой войны 143
- Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский** — Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. 151

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Ш.М. Хапизов, М.Г. Шехмагомедов** — Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV—XVIII вв. 166

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ББК 63.3(4)6/УДК 94(4)«1914/2000»+930.1

Интеллектуальные миграции XX века: к вопросу о моделях изучения

В.С. Мирзеханов, М.В. Ковалёв

Аннотация. Работа посвящена сложному комплексу вопросов, связанных с историей интеллектуальных миграций XX века. Авторы ставят перед собой задачу разобраться в имеющихся основных подходах к разработке этого феномена и очертить возможные пути его дальнейшего изучения, которые видятся в углублении сравнительных исследований, в необходимости вписать миграции в контекст транснациональной истории. Акцент делается на осмыслении бытийной, социально-антропологической стороны истории научных диаспор.

Ключевые слова: интеллектуальные миграции, диаспоры, идентичность, ученые, история науки, Россия, СССР, Германия, США, Венгрия, Чехословакия.

Abstract. The work is devoted to a multifaceted set of issues related to the history of intellectual migration of the XXth century. The authors set the task to understand the main approaches available to the study of this phenomenon. They would like to define possible ways of its further researches. These ways are seen in the deepening of comparative studies, in the need to inscribe migration into the context of transnational history. The authors emphasize the need to comprehend the existential, social-anthropological side in the history of scientific diasporas.

Key words: intellectual migration, diasporas, identity, scientists, history of science, Russia, USSR, Germany, USA, Hungary, Czechoslovakia.

Огромные по масштабам интеллектуальные миграции стали неотъемлемой частью истории XX века. В значительной мере они были порождены мировыми войнами, революциями, ущемлением академических свобод, дискриминацией по национальному и религиозному

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела истории Европы XVIII—XIX вв. Института всеобщей истории РАН. E-mail: lum62@yandex.ru; *Ковалёв Михаил Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: kovalevmv@yandex.ru.

Mirzekhanov Velikhan S. — doctor habilitatus (History), leading researcher, head of the European history of the XVIIIth—XIXth centuries department of the Institute of World History RAS. E-mail: lum62@yandex.ru; *Kovalev Mikhail V.* — PhD (History), associate professor at the Saratov State University for the Technology and Technics named after Yu.A. Gagarin; researcher at the Institute of World History RAS. E-mail: kovalevmv@yandex.ru.

признаку, экономическими потрясениями и др. факторами. Как результат — исход или изгнание значительного числа интеллектуалов, среди которых было немало ученых. В результате миграционных процессов, по выражению Юргена Остерхаммеля, происходило формирование «дискретных социальных пространств»¹, важнейшей составной частью которых были диаспоры. Они представляли собой общины, расположенные за пределами действительной или воображаемой Родины, но ощущавшие лояльность и эмоциональную привязанность к ней.

Достаточно вспомнить о сложных исторических процессах 1920—1930-х гг., когда Европа была охвачена глубокими трансформациями, вызванными последствиями первой мировой войны, распадом империй, перекройкой политических карт, экономическими трудностями, поиском национальных идентичностей и созданием исторических мифов, борьбой демократических и тоталитарных политических тенденций. В них прямо или опосредованно были вовлечены и ученые. Примечательна в этом плане судьба российской науки, по которой больно ударили события 1917 г. и последовавшие затем преследования интеллектуалов, аресты, голод, отсутствие элементарных условий работы. По предварительным подсчетам современных исследователей, страну покинуло около четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса². Среди действительных членов и членов-корреспондентов Российской Академии наук, оказавшихся к моменту окончания гражданской войны за рубежом, были геологи Н.И. Андрусов и В.И. Вернадский, химик П.И. Вальден, историки А.А. Кизеветтер, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, Е.Ф. Шмурло, филолог Ф.Ф. Зелинский, экономист П.Б. Струве, слависты С.М. Кульбакин и В.А. Францев, механик С.П. Тимошенко, статистик Ф.А. Щербина³. Схожие процессы можно было наблюдать в Германии 1930-х годов. Только в 1933 г. из немецких университетов было уволено свыше 3 тыс. чел., из которых $\frac{2}{3}$ сразу приняли решение об эмиграции⁴. В 1935 г. Берлинский университет изгнал «неарийских» преподавателей, еще остававшихся на работе после 1933 года⁵. После этих погромов многие университетские кафедры и посты директоров институтов оставались свободными в течение долгих лет. В 1933—1945 гг. примерно 26% немецких химиков и биохимиков оказались за пределами Германии⁶. Из 1882 немецких и австрийских ученых, опубликовавших свои статьи в ведущих физических журналах в период с 1925 по 1933 г., 179 эмигрировали⁷. Около 14—17% преподавателей высших школ покинули Родину⁸.

Но это лишь два хрестоматийных примера. Ученые покидали фашистскую Италию, франкистскую Испанию, Иран после Исламской революции, коммунистический Китай, страны Восточной Европы после установления там социалистических режимов. Однако было бы неверным полагать, что подобные перемещения были связаны исключительно со становлением тоталитарных и авторитарных режимов. Тот же СССР, в начале 1920-х понесший исключительные по масштабам потери научных кадров, довольно быстро стал местом притяжения иностранных интеллектуалов, охваченных пафосом социалистического переустройства мира или же просто разочарованных в реалиях капитализма. В среде саратовских физиков бытует легенда,

согласно которой, брат первой жены Альберта Эйнштейна, профессор Милош Милошевич Мариш (1885—1944), ставший в 1930 г. заведующим кафедрой гистологии Саратовского медицинского института, пытался хлопотать о переезде своего именитого родственника, подвергнувшегося гонениями нацистов, на работу в Саратов. Быть может, это только красивый миф, нуждающийся, впрочем, в документальной проверке, но факт остается фактом: Советская Россия притягивала большой круг интеллектуалов, причем не только европейских. По данным О.А. Деся, с 1923 по 1932 г. в СССР прибыло более 10 тыс. иностранных революционеров. В 1933 г. официальный статус политических эмигрантов смогли получить 688 человек. В 1934—1935 гг. политическое убежище было предоставлено группе эмигрантов численностью около 2045 человек. К началу 1937 г. в СССР проживало около 4 тыс. беженцев только из Германии ⁹. Если же говорить об ученых, то среди них можно назвать имена итальянского авиаконструктора Роберто Бартини (1897—1974), болгарского генетика Дончо Костова (1897—1949), венгерского экономиста Енё (Евгения) Варгу (1879—1964). Некоторые ученые оказались в Советской России еще в годы гражданской войны, перейдя из числа бывших военнопленных австро-венгерской армии в ряды красноармейцев, а затем встав в авангарде Коминтерна. Следует упомянуть африканиста Эндре Шика (1891—1978) и философа Георга Лукача (1885—1971). Судьба немалого числа ученых-эмигрантов в СССР сложилась трагично. В жерновах сталинских репрессий были перемолоты венгерский китаевед Людвиг Мадьяр (1891—1937), немецкий физик Ганс Гельман (1903—1938), которого не спас даже статус одного из пионеров квантовой химии.

И все же, невзирая на эти печальные факты, въезд ученых в СССР не останавливался, хотя и постепенно шел на спад. Среди известных ученых, перебравшихся в СССР уже после второй мировой войны, можно назвать выдающегося итальянского физика Бруно Понтекорво (1913—1993). Таким образом, Советский Союз на всем протяжении своего существования парадоксальным образом соединял въездные и выездные потоки ученых, имевшие, правда, изменчивую динамику ¹⁰. На эту особенность в наши дни обращают внимание далеко не все авторы, занимающиеся темой интеллектуальных миграций, стремящиеся, как правило, подчеркнуть факты бегства из СССР. В свое время советская историография, напротив, уделяла внимание въезду в Советский Союз, оставляя в стороне проблему эмиграции ученых из страны, или же рассматривая ее в исключительно обличительной плоскости ¹¹. Но особенность двухсторонних миграционных потоков чрезвычайно важна, ибо она демонстрирует сложный и многогранный характер интеллектуальных движений в XX в., имевших ярко выраженный транснациональный характер. Заметим, что подобные черты демонстрирует и история других стран, например, Китая. Первая волна массового выезда интеллектуалов оттуда относится к 1930—1940-м годам. Она была напрямую связана с японской агрессией. В числе покинувших историческую Родину оказались физики Ву Цзяньсюн (1912—1997), ставшая участницей Манхэттенского проекта, а также Янг Чжэньнин (1922—1997) и Ли Чжэндао (род. 1926), работавшие в США под руководством знаменитого

итальянского физика-эмигранта Энрико Ферми, и удостоенные в 1957 г. Нобелевской премии ¹². Новая волна выезда накрыла Китай после прихода к власти коммунистов в 1949 году. К слову, тогда же страну покинули многие русские ученые-эмигранты, работавшие там в 1920—1940-х гг., например, профессор Университета Цинхуа, историк Иван Иванович Гапанович (1891—1982). Среди фигур недавнего времени, уехавших из Китая по идеологическим причинам, вспоминается астрофизик Фан Личжи (1936—2012), запросивший политического убежища в США после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году ¹³. В то же время современный Китай все больше становится центром притяжения ученых из разных стран мира, чему способствует целенаправленная государственная политика. В связи с этим фактом разумно обратиться к еще одной причине глобальных интеллектуальных миграций. В их основе лежат не только политические потрясения и идеологическая борьба, но также естественные модернизационные процессы. В этом смысле миграции связаны с глобализацией рынка труда, формированием глобального образовательного пространства, государственной политикой по привлечению квалифицированных кадров, работой международных научно-образовательных программ. Распад колониальной системы породил новые потоки трудовых миграций и новые формы географической мобильности. В качестве примера можно назвать многочисленных африканских интеллектуалов, получивших образование в европейских и американских университетах, и нередко остававшихся жить вне своей исторической Родины. В послевоенный период афро-азиатский мир активно включился в интеллектуальные миграционные процессы.

В 1990—2000 гг. пробудился интерес отечественных исследователей к проблемам интеллектуальных миграций. Отчасти это была реакция на переживаемый российской наукой кризис, породивший «утечку мозгов» за рубеж. Изучение этой проблемы стало одной из ключевых тем отечественного науковедения, социальной антропологии, социологии науки. В среде историков стремление разобраться в новых реалиях порождало внимание к аналогичным явлениям в прошлом. Тема интеллектуальных миграций приобрела не только научное, но и общественное звучание. С другой стороны, глобализация резко усилила академическую мобильность. Открылись невиданные прежде возможности участия в международных научных и образовательных программах, таких как «Темпус», позволявших учиться или работать за границей в течение длительного времени. За рубеж устремились тысячи интеллектуалов со всего постсоветского пространства. Значительную их часть составляли молодые ученые, желавшие там продолжить свою карьеру. Эти сюжеты также потребовали своего осмысления и не остались без внимания исследователей ¹⁴.

Для отечественных историков тема интеллектуальных миграций оказалась связана в первую очередь с изучением российского научного Зарубежья 1920—1930 гг., резко активизировавшегося после открытия архивов и снятия идеологических табу. Сделано было, вне всякого сомнения, очень много. Появились фундаментальные работы А.В. Антощенко, Г.М. Бонгард-Левина, Н.Н. Болховитинова, В.П. Борисова, В.А. Волкова, В.Р. Михеева, Е.В. Петрова, М.Ю. Сорокиной, С.И. Фокина и др. Сегодня интерес к данной проблеме не спадает,

причем наблюдается все большее стремление вписать российские миграционные потоки в общемировой контекст, как это сделала, например, Т.И. Ульянкина в монографии о судьбах российской научной эмиграции в Европе в 1940—1950 годы ¹⁵.

Говоря об изучении отечественной научной диаспоры, нельзя не заметить популярности биографического жанра среди исследователей. Едва ли не самым ярким примером служит сборник статей «Российская научная эмиграция: двадцать портретов» ¹⁶, авторами которого стали выдающиеся исследователи разных научных направлений: Бонгард-Левин, Г.А. Заварзин, Вяч.В. Иванов, В.Е. Захаров и др. Герои книги — ученые, покинувшие Советскую Россию в 1920—1930-х гг.: физик Г.А. Гамов, авиаконструктор И.И. Сикорский, энтомолог Б.П. Уваров, экономист В.В. Леонтьев, химик В.Н. Ипатьев, историк Г.В. Вернадский, искусствовед А.Н. Грабар.

Биографический жанр популярен не только в России. Упомянем уже ставшую классической работу социолога Льюиса Козера «Перемещенные ученые в Америке: их влияние и их опыт» ¹⁷ или недавно вышедшую в Праге коллективную монографию «Чешские ученые в изгнании» ¹⁸. Причем героями последней работы стали не только жертвы политических диктатур и идеологических гонений, но и те, кто добровольно покинул свое Отечество, как, например, антрополог Алеш Грдличка (1869—1943), увезенный в детстве родителями в США. Авторы исследования поставили перед собой задачу: понять, каков был вклад чешских ученых, по разным причинам оказавшихся вне Родины, в мировую науку. Популярность биографий применительно к изучению истории интеллектуальных миграций вполне объяснима — науку двигают яркие, незаурядные личности. Однако здесь следует признать, что попыток написать коллективные портреты той или иной научной диаспоры до сих пор немного — и в России, и за ее пределами.

Существует и еще одна проблема, особо свойственная российской науке — разрыв между конкретными историческими исследованиями и осмыслением феномена интеллектуальных миграций в мировом масштабе, изучением различных волн в сравнении и взаимосвязи. По сей день в отечественной историографии малоисследованными или же вовсе неисследованными остаются многие сюжеты из истории интеллектуальных движений XX в., например, из Прибалтики после ее советизации, из Чехословакии после подавления «Пражской весны» или из Ирана после Исламской революции. Отрядным исключением на этом фоне является фундаментальное исследование венгерских миграций, сделанное сотрудниками Института славяноведения РАН Б.Й. и Ч.Б. Желицки ¹⁹. Таким образом, существующая историографическая ситуация позволяет отечественным исследователям ставить перед собой широкий круг задач.

Историкам есть, чему поучиться у коллег из сферы социальных наук, активно занимающихся проблемами «утечки умов». В первую очередь — широким социально-антропологическим обобщением. Историческая картина интеллектуальных миграций начнет в этом случае играть новыми красками. Политический аспект в изучении интеллектуальных миграций долгое время заслонял аспект бытийный, связанный с проблемами жизни и деятельности ученых на чужбине, практиками межкультурного диалога, процессами адаптации к новой

среде, лингвистическими травмами, социальными связями, личными и деловыми коммуникациями, повседневными жизненными практиками, то есть теми феноменами, которые можно обрисовать в понятиях «стиль жизни», «научный быт»²⁰. Пока немногие российские авторы обращались к этим проблемам²¹. Для историографии зачастую свойственна героизация уехавших ученых, своим отъездом, якобы, совершивших подвиг во имя свободы научной мысли. Это мешало видеть негативные процессы, происходившие внутри самих национальных диаспор. Так, российскую научную диаспору 1920—1930-х гг. не обошли стороной борьба за властные полномочия и финансовые ресурсы, научные конфликты и межличностные столкновения. Это видно, в частности, на примере русского академического сообщества в межвоенной Праге, чьи незаурядные, яркие представители отчаянно боролись за передел квартир или руководящих постов в Русском историческом обществе и Русском свободном университете. Сама эмигрантская среда в силу своей естественной этнокультурной ограниченности служит благодатной средой для разного рода конфликтов и споров, и в арсенале борьбы оказываются отнюдь не академические методы. Кроме того, на чужую почву часто переносятся старые политические, идеологические или научные споры, расцветая потом на ней новыми красками.

В процессе изучения истории интеллектуальных миграций упор традиционно делался на негативную роль институтов власти. Авторы исследований фокусировали свое внимание, главным образом, на политических мотивах выезда ученых, изображая их как жертв тоталитарных режимов²². То есть, на первый план выходила метафора не просто эмиграции, а изгнания. Такой подход был особенно характерен для отечественных исследователей 1990-х годов. Он был основан на представлении о радикальном противопоставлении власти и интеллигенции. В России, действительно, эти взаимоотношения всегда были специфичными. Еще до революции эмиграция была одной из форм неприятия политического режима. Достаточно вспомнить примеры микробиолога И.И. Мечникова, уехавшего во Францию, или историка П.Г. Виноградова, перебравшегося в Англию. Потому оппозиционность значительной части ученого сообщества большевистскому режиму, а, как следствие, эмиграция/высылка вполне объяснима. Но стоит обратиться к примеру Германии, чтобы увидеть, как значительная часть ученого сообщества, обласканного различными привилегиями и уподобившегося китайским мандаринам²³, довольно нейтрально восприняла приход к власти нацистов. Немалое количество ученых вообще встало на путь активного (М. Хайдеггер, К. Хаусхоффер) или пассивного (М. Планк, В. Гейзенберг) сотрудничества с ними. Потому гонениям поначалу подвергались, как правило, на национальной почве. А. Гитлер заявлял, что «если смещение еврейских ученых означает уничтожение науки современной Германии, мы обойдемся без науки в течение нескольких лет»²⁴. Соответственно, это отражалось на характере миграций. Движение «Немецкая физика» (Deutsche Physik) служит классическим примером сотрудничества ученых с национал-социалистическим режимом. Его деятельность связывают с именами нобелевских лауреатов Филиппа Ленарда (1862—1947) и Йоханнеса Штарка (1874—1957). Они были консервативны-

ми экспериментальными физиками и выступали ярыми противниками квантовой теории и физики относительности, пытаясь использовать антидемократический и антисемитский характер нацизма для борьбы с научными оппонентами, и надеясь при помощи Гитлера влиять на развитие немецкой физики любыми способами. Гнев Ленарда был направлен в сторону Эйнштейна, которого без особого успеха он критиковал в 1920-х гг., а Й. Штарк активно нападал на В. Гейзенберга. После прихода к власти нацистов они использовали политические аргументы в борьбе с давними оппонентами²⁵. Но если Эйнштейн в итоге принял решение об эмиграции, то Гейзенберг, напротив, решил остаться, и даже подключился к немецкому ядерному проекту и получил пост директора Института физики при Обществе кайзера Вильгельма. Лишь в ноябре 1940 г. по итогам острой дискуссии между представителями «Немецкой физики» и их научными оппонентами было достигнуто письменное соглашение, заставившее сторонников Ленарда и Старка признать неопровержимые постулаты современной физики и прекратить политические нападки на ее сторонников²⁶.

Нередко сами поборники авторитарных или тоталитарных режимов становились эмигрантами. Так, именитый румынский культуролог Мирча Элиаде (1907—1986), некоторое время симпатизировавший профашистской «Железной гвардии», в 1938 г. был арестован по приказу властей, а затем «сослан» на дипломатическую работу, что означало для него фактический разрыв с Родиной. Или еще один красноречивый пример, уже из второй половины XX века. Экономист Влодзимеж Брус (1921—2007) считался одним из ведущих специалистов в социалистической Польше. После второй мировой войны он приветствовал установление «народной демократии» и был прочно встроен в новую научную иерархию, став профессором Главной школы планирования и статистики и Варшавского университета. Однако постепенно его разочарование в существовавшей системе росло, а проповедуемые им идеи «рыночного социализма» встречали неприятие властей. В социалистическом лагере они стали восприниматься как радикальные²⁷. В 1968 г. В. Брус вышел из членов Польской объединенной рабочей партии и вместе с женой эмигрировал в Великобританию. Примечательно, что его супруга — Хелена Волиньска-Брус (1919—2008) — будучи сотрудником Главной военной прокуратуры, участвовала в показательных судебных процессах над членами Армии Крайовой. Отъезд супругов был следствием политического кризиса в Польше 1968 г. и развязанной В. Гомулкой антисемитской кампании. С ней же был связан отъезд, правда уже в Австрию, другого польского экономиста — Казимира Лаского (1921—2015). Вместе с Брусом в конце 1980-х гг. они написали знаковую книгу «От Маркса к рынку», в которой попытались переосмыслить и свой научный опыт, и опыт экономического развития всей Восточной Европы²⁸. Таким образом, причины и мотивы выезда ученых следует дифференцировать, увязав их не только с политическими факторами, но и с ситуацией внутри самого научного сообщества.

Но в любом случае добровольный отъезд был результатом личного выбора. Так, выезд беженцев из Германии, «за редким исключением известных политических деятелей, которые с приходом Гитлера к

власти в буквальном смысле слова должны были спасаться бегством... носил довольно-таки регулярный характер, т.е. они уезжали спокойно и законным образом, но и неохотно». Нацисты разрешали выезд из страны, но требовали за него большой денежной платы ²⁹. Хотя эксцессы все же случались. В марте 1933 г. известный востоковед К. Витфогель был арестован при попытке покинуть Германию. До конца 1933 г. он находился в заключении и был выпущен лишь на волне международных протестов и ходатайств, в 1934 г. он покинул Родину. Иные ученые, которые не попадали под нацистские религиозные, расовые или политические категории, имели разнообразные причины для отъезда. Невозможно выделить единый для всех мотив эмиграции. Американский историк М. Керн заметил, что «решение эмигрировать или не эмигрировать было во многих случаях основано на взаимодействии массы проблем и вопросов» ³⁰. Одни бежали от расового преследования, другие — из-за морального отвращения к фашизму. Уникальным примером служат практиковавшиеся советским правительством насильственные высылки интеллигенции в 1922 году. Пассажирами «философских пароходов» становились и те, кто об отъезде с Родины не помышлял, и кто вообще не был замечен в антибольшевистских настроениях, как, в частности, известный одесский историк А.В. Флоровский. Если говорить о русских ученых, то некоторые из них встретили переломные события 1917 г. в заграничных командировках, и потому были вынуждены принимать решение не о выезде, а о (не)возвращении на Родину. Их статус мгновенно становился неопределенным, и им приходилось делать выбор. Остаться за рубежом предпочли почвовед П.В. Отоцкий, историки Е.Ф. Шмурло и М.И. Ростовцев, славист А.Л. Петров.

Миграционные потоки стали явлением не только национальных историй, но истории транснациональной. Они переплетались между собой, взаимодействовали и взаимовлияли. Центральная и Восточная Европа в этой связи — уникальный пример такого рода пересечений. Например, в начале 1920-х гг. Чехословакия стала главным центром российской научной диаспоры. Благодаря «Русской акции» там сложилась развитая эмигрантская научная инфраструктура ³¹. Патронаж властей республики и частных лиц распространялся в первую очередь на ученых и студентов, получивших возможность продолжить свою работу или учебу. В Праге сформировалась развитая сеть русских высших учебных заведений (Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский юридический факультет, Русское высшее училище техников путей сообщения, Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского, Русский институт коммерческих знаний, Русский народный университет) и научно-исследовательских организаций (Русское историческое общество, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Семинарий по изучению Ф.М. Достоевского, Русский институт, Археологический институт им. Н.П. Кондакова, Зоологический семинар М.М. Новикова, Русский заграничный исторический архив). В Чехословакию в 1930-е гг. устремились также политические эмигранты из Венгрии и Германии ³². Но Праге недолго суждено было быть центром мигрирующей науки, ибо после 1938 г. судьба самой Чехословакии оказалась незавидной. В этой ситуации интеллектуалы стали выезжать из этой страны, преимущественно в США и в Вели-

кобританию. Так поступили византинист Франтишек Дворник (1893—1975) и историк Отакар Одложилек (1899—1973), опубликовавший в 1941 г. в США проникновенную статью о положении исторической науки при нацистах под говорящим названием «Клио в цепях»³³. Так поступали и русские эмигранты. Среди них был видный экономист Прокопович, переехавший в Швейцарию, искусствовед Н.П. Толль, перебравшийся в США, экономист А.М. Байков и историк Г.М. Катков, сумевшие выехать в Англию.

Столь же драматично складывалась судьба научного сообщества в прибалтийских странах, куда после обретения ими независимости устремились беженцы из Советской России, пополнив ряды уже существовавшей там русскоязычной диаспоры. После присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в 1940 г. там произошли гонения на интеллектуалов, что вызвало отток научных сил. Латвию покинул, к примеру, крупнейший археолог и египтолог Францис Балодис (Франц Владимирович Баллод, 1882—1947), который в 1924 г. был вынужден эмигрировать из СССР³⁴. Судьба же тех, кто остался, порой складывалась трагически. Достаточно вспомнить о русском философе и историке Льве Платоновиче Карсавине (1882—1952), вывезенном из Литвы и погибшем в ГУЛАГе, или философе Василии Эмильевиче Сеземане (1884—1963), работавшем вместе с Ф.В. Баллодом в Саратовском университете в начале 1920-х гг., которому посчастливилось вернуться живым из сталинских лагерей.

В начале 1920-х гг. в Германию устремились десятки русских ученых, создавших там свою научную инфраструктуру. Туда же ехали, к примеру, венгры, желавшие продолжить научную карьеру. Среди них был Лео Силард (1898—1964), покинувший в 1919 г. политически нестабильную Венгрию с целью продолжить обучение в Берлинской высшей технической школе, где одним из его наставников стал Эйнштейн³⁵. После прихода к власти нацистов Л. Силард вместе с семьей уехал сначала в Англию, затем — в США. Там он работал вместе с Э. Ферми и принимал участие в создании первого ядерного реактора. Подобным образом сложилась и судьба других венгерских физиков, работавших в межвоенной Германии. Ю. Вигнер, Э. Теллер, Я. Нейманн, Т. Карман переехали в США, причем Вигнер в 1963 г. был удостоен Нобелевской премии по физике. В 1971 г. за изобретение голографического метода ее получил другой венгерский эмигрант — работавший в Англии Денеш Габор (1900—1979). Л. Фаркаш оказался в Иерусалиме, где первым стал читать курс физической химии в местном университете³⁶. Приход к власти нацистов заставит уехать и часть русских эмигрантов, которые, несмотря на неприятие большевизма, видели в Гитлере угрозу для России. Здесь можно упомянуть философа И.А. Ильина, перебравшегося в Швейцарию. Приютом для многих беженцев из Германии стала Турция, проводившая в 1930-е гг. реформу университетской системы, и остро нуждавшаяся в иностранных ученых. Статус ученых-эмигрантов в высших школах Анкары и Стамбула был высок. По некоторым подсчетам, после 1933 г. 144 немецких и австрийских ученых переехали в Турцию с помощью франкфуртского профессора-медика Филиппа Шварца и возглавляемой им швейцарской организации «Notgemeinschaft»³⁷.

Окончание второй мировой войны и последовавшее затем утверждение в Восточной и Центральной Европе коммунистических режимов породило очередную волну эмиграции. Большой материал для исследования дает Чехословакия, которую после 1948 г. покинули десятки видных ученых, опасавшихся преследований со стороны новых властей ³⁸. Достаточно упомянуть имя крупнейшего чехословацкого экономиста Йозефа Мацека (1887—1972), который в 1949 г. вместе с женой тайно перешел на лыжах через горный массив Шумавы и оказался в Германии. Затем он эмигрировал за океан, работал в США и Канаде ³⁹. В конце 1948 г. Венгрию покинул известный археолог, специалист в области эпиграфики и нумизматики, профессор Андраш Алфёльди (1885—1981). Он уехал в Швейцарию, где лечился его тяжело больной сын, и принял решение не возвращаться домой. Свою роль, помимо семейных причин, сыграли и политические факторы: А. Альфёльди помнил, как летом 1946 г. ему не дали возможность занять пост декана в Будапештском университете. В Швейцарии он преподавал в университетах Берна и Базеля, а затем, в 1956 г., переехал за океан, получив приглашение от Принстонского университета. Новые волны интеллектуальных миграций из Центральной Европы были порождены событиями 1956 г. в Будапеште и 1968 г. в Праге. Так, после неудавшейся революции в Венгрии страну покинул полный штат студентов и преподавателей одного из старейших учебных заведений страны — Высшей лесотехнической школы в Шопроне ⁴⁰. Из Чехословакии на Запад в 1968—1969 гг. уехали астроном, исследователь двойных звезд Мирослав Плавец (1925—2008), иммуногенетик Эмил Скамене (род. 1941), химик Йозеф Михл (род. 1939). В этом контексте нельзя не назвать и уехавшего в США начинающего ученого Сергея Давыдова (род. 1945), который происходил из русской эмигрантской среды и приходился потомком знаменитому герою Отечественной войны 1812 года. Как и его именитый дед А.Л. Бем, бывший одной из знаковых фигур в интеллектуальной жизни «русской Праги», С.С. Давыдов избрал путь литературоведа, став известным американским специалистом по творчеству А.С. Пушкина, В.В. Набокова и Ф.М. Достоевского ⁴¹.

В конце XX в. падение социалистических режимов в Восточной и Центральной Европе породило новую волну интеллектуальных движений. Распад СССР и переживаемый постсоветской Россией кризис также привели к оттоку ученых сил. В 2005 г. Дмитрий Ливанов, еще в бытность статс-секретарем Министерства образования и науки РФ, сделал заявление, согласно которому с 1989 по 2004 г. из России уехало порядка 25 тыс. ученых, а 30 тыс. работают за рубежом по временным контрактам. Речь идет, как правило, о наиболее конкурентоспособных ученых, вдобавок — наиболее продуктивного творческого возраста. Из пяти ученых-физиков российского происхождения, удостоившихся Нобелевской премии за последние годы, 3 получили ее в качестве иностранных ученых (А.А. Абрикосов, А.К. Гейм, К.С. Новосёлов).

Деполитизированный, социально-антропологический подход к истории интеллектуальных миграций предполагает большое внимание к практикам патронажа, которые следует понимать как «оказание поддержки в обмен на те или иные «дары»». При этом эти «дары»

носят, преимущественно, нематериальный, символический характер. Поддерживая науку, патрон получает повышение социального статуса, а «материальные выгоды, если и следуют за этим, то обычно много позже и непосредственно от клиента»⁴². От функционирования этих практик напрямую зависела успешность адаптации ученых-мигрантов к новой культурной среде. Эмигранты почти всегда живут в напряженном ожидании надвигающихся политических изменений на Родине. Это мешает им найти свою социальную и культурную нишу в стране убежища. Значительная их часть страдает потому, что статус в новой стране ниже того, что был у них на Родине, и не всякому удастся сделать головокружительную карьеру.

Успешность США в привлечении ученых из разных стран мира как раз объяснялась существованием там эффективных механизмов патронажа научной жизни и адаптации ученых-мигрантов. Причем на этом поле играли как частные, так и государственные институции. В 1930-х гг. фонд Рокфеллеров в сотрудничестве с американским научным сообществом помог 355 исследователям получить рабочие места в 150 университетах, колледжах, научно-исследовательских институтах и музеях⁴³. Долгосрочная стратегия подобных организаций заключалась в интеграции ученых-беженцев в американскую научную жизнь. В то же самое время сотрудники американских государственных служб, в первую очередь, военные, получили возможность использовать эмигрантов в качестве экспертов в условиях военного времени. По словам Б. Катца, военный Вашингтон оказался плодотворным участником взаимного сотрудничества в не меньшей степени, чем научно-исследовательские лаборатории Чикаго и Лос-Аламоса⁴⁴. Широко известно об участии европейских ученых в создании американской атомной бомбы. Примечательно, что над ее созданием трудился и русский ученый-эмигрант Георгий Богданович Кистяковский (1900—1982). Но сотрудничество эмигрантов с американскими военными этим не ограничивалось. Например, немецкий востоковед Франц Михаэль в 1942 г. был назначен руководителем программы азиатских языков для армии США в университете Вашингтона⁴⁵.

Обширную поддержку беженцам оказывал созданный в 1933 г. Чрезвычайный комитет помощи перемещенным иностранным ученым (Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars). Его работу возглавил журналист Эдварду Мэроу (1908—1965), впоследствии получивший известность как неутомимый борец с сенатором Дж. Маккарти. Если первоначально в сфере фонда находилась Германия, то затем работа была расширена на другие европейские страны — Австрию, Чехословакию, Норвегию, Бельгию, Италию и Францию. Среди ученых, получивших помощь фонда, можно назвать социолога Герберта Маркузе, политолога Ганса Моргентау, биофизика Макса Дельбрюка, психолога Курта Левина. О масштабах работы комитета наглядно свидетельствуют списки выехавших из Германии и получивших помощь фонда ученых⁴⁶. Подобные организации, ставившие своей целью поддержку беженцев, были порождены XX в. и не имели прежде аналогов в истории. Как заметила британская исследовательница Е.Н. Андреева, «в основе формирования этих институтов лежали не только гуманитарные соображения, но и юридическое

понимание положения и статуса беженца, а также политические и экономические вопросы»⁴⁷.

Изучение интеллектуальных миграций в ретроспективе XX в. ставит вопрос о коммуникативных практиках и интеллектуальном обмене. Дело не только в средствах политического и идеологического контроля (люстрация писем, паспортно-визовые формальности), но и в технических возможностях. Их ограниченность приводила к обособленности представителей национальных научных диаспор, затрудняло их общение. Но все же оно продолжалось. Даже в случае с Советской Россией, «железный занавес» опускался постепенно. Вплоть до конца 1920—1930-х гг. русские ученые-эмигранты имели, пусть и ограниченную, возможность эпистолярных контактов с друзьями, коллегами и родственниками, остававшимися дома. На протяжении почти всего XX в. трудности коммуникаций выступали одним из символов эмигрантского статуса, подчеркивая оторванность от исторической Родины. В этом плане бурное развитие средств связи в конце XX в., налаживание глобального транспортного сообщения, облегчение паспортно-визовых формальностей способствовало размыванию этого статуса.

Научные коммуникации обычно рассматриваются с точки зрения вклада мигрантов в науку той или иной страны. Немецкие ученые в 1930-е гг. быстро получили признание в научном мире стран-реципиентов. Так, прибытие ярчайшего представителя Венской школы Рудольфа Карнапа повлияло на американскую науку. Альфред Шютц познакомил американцев с социальной феноменологией. Ханна Арендт заложила основы изучения феномена тоталитаризма в политической жизни XX века. Искусствовед Уильям Кон (1880—1961), эмигрировавший в Англию в 1938 г., сумел собрать из разрозненных предметов индийской коллекции Оксфордского университета Музей восточного искусства (Oxford Museum of Eastern Art) и стать его первым директором (1949—1956)⁴⁸. Вольфрам Эберхард в 1937—1948 гг. преподавал китайский язык в университете Анкары, став основателем синологических исследований в Турции.

Но не менее важно и интересно понять нереализованные возможности диалога, осознать их причины. Вряд ли работавший в Москве Г. Лукач мог серьезно повлиять на советские общественные науки, скованные догматическим марксизмом. В этом плане влияние его венгерского соотечественника Э. Шика на советскую африканистику было более очевидным, но все же ограниченным⁴⁹. Порой таланты и способности ученых не были восприняты и по иным причинам. Так, низкий интерес к российской истории в академических кругах 1920—1930-х гг. не способствовал интеграции русских ученых-эмигрантов в зарубежную науку. Представителям естественных наук всегда легче адаптироваться к новым условиям, нежели гуманитариям. Но и тут не всегда дело идет гладко. Так, русский почвовед и гидрогеолог П.В. Отоцкий, оказавшийся в начале 1920-х гг. в Чехословакии, безуспешно пытался привлечь пражский Карлов университет к геологическим изысканиям в Скандинавии⁵⁰. Большую роль в успешности научных коммуникаций имело единство научного языка. Австрийским экономистам в 1930—1940-е гг., работавшим в традициях математической экономики и неоклассических подходов, было

относительно легко утвердиться в ведущих американских университетах, где они нашли коллег, которые прекрасно понимали интернациональный язык математики⁵¹. Напротив, немецкие юристы, обученные в духе римского права, немного знали об англо-саксонском праве. Таким образом, они столкнулись с потребностью начинать за океаном свою карьеру заново. Многим из них пришлось переквалифицироваться в специалистов в области политологии и международных отношений. Но успех зависел не только от единства или хотя бы родства научных языков, но и от степени владения учеными-эмигрантами чужими языками в конкретном смысле слова. Оказавшийся в США антиковед М.И. Ростовцев в письме к академику Н.П. Кондакову жаловался: «Если бы вы знали, как трудно читать лекции на чужом языке... Кое-как справляюсь, но это главный камень преткновения»⁵². Лингвистический фактор занимал важное место и в процессе культурной адаптации, и научной интеграции одновременно. Потому он достоин более пристального внимания со стороны исследователей, особенно, когда речь идет о взаимодействии представителей совершенно разных культур, например, иранских или китайских мигрантов в США.

Интеллектуальные миграции минувшего столетия были результатом глубоких общественных трансформаций и формой ответа ученых на них. Это был итог сложного комплекса взаимодействия ученого сообщества и институтов власти, набора индивидуальных и коллективных решений. И, главное, рождаясь в качестве национальных исторических феноменов, они всегда в итоге становились частью глобальной, транснациональной истории. Отсюда вырастает потребность в выявлении их общих и особенных черт, объективных и субъективных причин миграционных движений, функционирования национальных научных сообществ в условиях жизни за рубежом. Нет сомнения, что всякое национальное ученое сообщество в эмиграции развивалось по своим внутренним законам. Ровным счетом нет сомнения и в том, что далеко не всегда ученые-эмигранты такие сообщества образовывали. Но следует попытаться выделить общие проблемные поля, которые позволили бы сравнить различные миграционные потоки в исторической ретроспективе XX в., определить естественные границы таких сопоставлений.

Ретроспективный взгляд на историю миграций и мобильности как в свете взаимоотношений интеллектуалов и институтов власти, так и в условиях трансформирующегося общества, может служить основой для сравнительно-исторического понимания современных проблем. Сравнение отечественного и зарубежного материала с использованием междисциплинарных подходов позволит сделать вывод о существовании в истории типичных моделей миграций как особых социокультурных механизмов, функционирование которых может быть проанализировано. Результаты таких исследований, несомненно, будут важны при разработке стратегии интеллектуальной безопасности страны и выработке политики противодействия «утечке умов».

Примечания

1. ОСТЕРХАММЕЛЬ Ю. Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги. — *Ab Imperio*. 2011, № 3, с. 129.
2. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб. 2003, с. 533.
3. Там же, с. 534.
4. TRIBE K. German Emigré Economists and the Internationalization of Economics. — *The Economic Journal*. 2001, vol. 111, № 475, p. 741.
5. NÖTZOLDT P., WALTHER P.T. The Prussian Academy of Sciences during the Third Reich. — *Minerva*. 2004, vol. 42, № 4, p. 425.
6. UWE ECKART W. Science in Third Reiche. — *Minerva*. 2004, vol. 42, № 4, p. 453.
7. *Ibid.*, p. 538—540.
8. FISHER K. Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933. — *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1991, т. 39, № 4, S. 537—538.
9. ДЕЛЬ О.А. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М. 1997, с. 12—14, 111.
10. Уже в 1970-е гг. приезд ученых фактически прекратился, расширяясь почти исключительно за счет выходцев из постколониальных стран. В то же время началась новая волна выезда интеллектуалов, преимущественно евреев, из СССР. Достаточно назвать имена литературоведов Е.Г. Эткинда и Л.З. Копелева, византиста А.П. Каждана, востоковеда А.М. Пятигорского и др. См.: ДЁННИНГХА-УС В.А., САВИН А.И. «Как бы указ о евреях не отменять, а де фактом не применять». Л.И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР. — *Россия XXI*. 2013, № 1, с. 130—159.
11. В современной российской историографии намечилось возрождение интереса к истории иностранных мигрантов в СССР, разумеется, с уже иных идеологических и методологических позиций. В результате, помимо уже упомянутой работы О.А. Деля, появилось немало интересных, квалифицированных исследований: ЕЛ-ПАТЬЕВСКИЙ А.В. Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытки интерпретации. Тверь. 2002; ИВАНОВА О.В. Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920—1930-е годы. — *Известия Самарского научного центра РАН*. 2006, т. 8, № 3, с. 781—788; ЧЕРНОВА Н.В. Немецкие политические эмигранты на Магнитстрое в 1930-е годы. — *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015, № 4 (50), с. 167—174.
12. HENDERSON G., OLASJI T. *Migrants, Immigrants, and Slaves: Racial and Ethnic Groups in America*. Lanham. Md. 1995, p. 186; CHEN NING YANG. *A Great Physicist of the Twentieth Century*. Liu and Shing-Tung Yau. Cambridge. MA. 1995; MCGRAYNE S. *Nobel Prize Women in Science: Their Lives, Struggles, and Momentous Discoveries*. Washington. D.C. 1998, p. 254—278. Подробнее о месте китайских ученых в американской науке см.: ZUOYUE WANG. *Chinese American Scientists and U.S. — China Scientific Relations: From Richard Nixon to Wen Ho Lee. The Expanding Roles of Chinese Americans in U.S. — China Relations: Transnational Networks and Trans-Pacific Interactions*. N.Y. 2015, p. 207—234.
13. ЛОМАНОВ А.В. Как увядали сто цветов. — *Россия в глобальной политике*. 2005, № 2, с. 82—83.
14. См., например: АГАМОВА Н.С., АЛЛАХВЕРДЯН А.Г. Утечка умов из России: причины и масштабы. — *Российский химический журнал*. 2007, т. LI, № 3, с. 108—115; САФОНОВА М.А. Академическое наследие империй: куда текут потоки международной студенческой миграции? — *Ab Imperio*. 2011, № 2, с. 261—296; РЯ-ЗАНЦЕВ С.В., ПИСЬМЕННАЯ Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов. — *Социологические исследования*. 2013, № 4, с. 24—35.
15. УЛЬЯНКИНА Т.И. «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940—1950). М. 2010.
16. *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. М. 2001.
17. COSER L.A. *Refugee Scholars in America: their Impact and their Experiences*. New Haven-L. 1984. Среди героев книги — психолог Э. Фромм, философ Р. Карнап, лингвист Р.О. Якобсон, политолог Х. Арендт, экономист К. Поланьи, востоковед К. Витфогель, социолог А. Шютц, экономист Я. Маршак и др.

18. PACNER K., HOUDEK F., KOUBSKÁ L. *Čeští vědci v exilu*. Praha. 2007.
19. ЖЕЛИЦКИ Б.Й., ЖЕЛИЦКИ Ч.Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX — конец 50-х годов XX века). М. 2012.
20. АЛЕКСАНДРОВ Д.А. Историческая антропология науки в России. — Вопросы истории естествознания и техники. 1994, № 4, с. 5; RABINOW P. *Making PCR: A Story of Biotechnology*. Chicago. 1996, p. 2.
21. ВОЛОШИНА В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск. 2010; ЗАХАРОВ О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество. — Российская история. 2014, № 3, с. 112—126; ВОЛОШИНА В.Ю., КОРЗУН В.П. Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры». — Диалог со временем. 2017, № 58, с. 39—70.
22. См., например: FERMI L. *Illustrious immigrants: the intellectual migration from Europe, 1930—1941*. Chicago-L. 1968; *The intellectual migration: Europe and America, 1930—1960*. Cambridge. 1969.
23. Подробнее о феномене немецкой профессорской культуры в свете ее взаимоотношений с властью см.: РИНГЕР Ф. *Закат немецких мандаринов*. М. 2008.
24. HARTSHORNE E.Y. *The German Universities and National Socialism*. Cambridge. 1937, p. 111—112.
25. WALKER M. *National Socialism and German Physics*. — *Journal of Contemporary History*. 1989, vol. 24, № 1, p. 64; PALLÓ G. *Elektron és éterfizika: Lénárd Fülöp (1862—1947)*. — *Fizikai szemle*. 1997. 47. évf. 4. sz. 116—122. o.; GRUNDMANN S. *The Einstein Dossiers: Science and Politic*. Berlin-Heidelberg. 2005, p. 277.
26. American Institute of Physics. Niels Bohr Library and Archives. Samuel A. Goudsmit Paper. Series IV. Box 25. Fold. 12: Alsos Mission.
27. СОБИ П. «Красный монастырь» на Шпрее: советизация высшего образования в ГДР (на примере Высшей школы экономики в Берлине). В кн.: *Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога*. Саратов. 2015, с. 196—197.
28. BRUS W., ŁASKI K. *From Marx to the Market: Socialism in Search for an Economic System*. Oxford. 1989.
29. РАЕВ М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919—1939. М. 1994, с. 240—241.
30. KERN M. *The Emigration of German Sinologists 1933—1945: Notes on the History and Historiography of Chinese Studies*. — *Journal of the American Oriental Society*. 1998, vol. 118, № 4, p. 509.
31. CHINYAEVA E. *Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce*. — *Slovansky přehled*. 1993, № 1, S. 14—24; SLÁDEK Z. *O ruské pomocné akci tentokrát polemicky*. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918—1945 (Sborník studií — 3). Praha. 1995, S. 20—25; ANDREYEV C., SAVICKÝ I. *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918—1938*. New Haven-L. 2004.
32. HEUMOS P. *Die Emigration aus der Tschechoslowakei nach Westeuropa und dem Nahen Osten. 1938—1945*. München. 1989; *Exil v Praze a Československu 1918—1938*. Praha. 2005.
33. ODLOŽILIK O. *Clio in Chains. Czech Historiography in 1939—1940*. — *The Slavonic Year-Book. American Series*. 1941, vol. 1, p. 330—337.
34. MUGURĒVIČS E. *Francā Baloža dzīves gājums un zinātniskā darbība*. Arheoloģija un etnogrāfija. T. XXIV. Rīga. 2010, l. 24.
35. LANOUE W., SILARD B. *Genius in the Shadows: A Biography of Leo Szilard: The Man Behind The Bomb*. New York. 1992, p. 56—58.
36. БОРИСОВ В.П. Российские и венгерские физики-эмигранты. Институт истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М. 2003, с. 294—296.
37. WIDMANN H. *Exil und Bildungshilfe: Die deutschsprachige akademische Emigration in die Türkei nach 1933*. Bern-Frankfurt am Main. 1973, S. 131—132, 167.
38. HOFFMAN R.J. *Die Anfänge der Emigration aus der Tschechoslowakei 1948*. Praha, 1996; *Wissenschaft im Exil: Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918—1989*. Praha. 2004.

39. Dějiny ekonomického myšlení. Praha. 2005, S. 506.
40. ЖЕЛИЦКИ Б.Й., ЖЕЛИЦКИ Ч.Б. Ук. соч., с. 497.
41. См.: ДАВЫДОВ С.С. Пражские весны... или очки для Хрущёва. Из записок потомственного эмигранта. — Новый журнал. 2008, кн. 251, с. 324—340.
42. См.: АЛЕКСАНДРОВ Д.А. Ук. соч., с. 9—10.
43. KATZ B. The Accumulation of Thought: Transformations of the Refugee Scholar in America. — The Journal of Modern History. 1991, vol. 63, № 4, p. 742.
44. Ibid., p. 741.
45. KERN M. Op. cit., p. 522.
46. См.: Emigration: Deutsche Wissenschaftler nach 1933: Entlassung und Vertreibung. Berlin. 1987.
47. АНДРЕЕВА Е.Н. Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам. — Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М. 2014, с. 67.
48. CULLEN A. Bringing Asia to Oxford: Dr. William Cohn and the Museum of Eastern Art. In: Ark of Civilization: Refugee Scholars and Oxford University, 1930—1945. Oxford. 2017.
49. См.: ДАВИДСОН А.Б. Шийк Андрей Александрович (1891—1978). Портреты историков: время и судьбы. Т. 5: Средние века. — Новая и новейшая история. М. 2010, с. 584—596; ЕГО ЖЕ. Репрессированная африканистика. — Африканский сборник. 2011. СПб. 2012, с. 14—20.
50. Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1941—1950». Kart. 8190. Sign. O498/3 Otockij Pavel.
51. COSER L.A. Op. cit., p. 6.
52. Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев. Письма 1919—1925 годов. КЫЗЛАСОВА И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920—1930-е годы. По материалам архивов. М. 2000, с. 126.